

Фантазийный дискурс романа «Игрок» обладает всеми характеризующими признаками данного типа:

а) феномен «семантики возможных миров» полноценно раскрывается в романе с помощью метафорической символики как способа выражения подсознания персонажей, например: создание заведомо невозможной в реальном мире ситуации;

б) потрясаются основы существующего порядка, инверсируются актуальные знания о природе человека, стирается грань между дозволенным и недозволенным ценой опустошения души главного героя романа, речь идет о примерах попытки переноса знаний древности (шахматные книги) на современное прочтение их;

в) переосмысливается семиотическая значимость живых человеческих чувств: виртуальную шахматную королеву губит увлеченность живым человеком, а реального Германа губит стремление к шахматной власти над миром [3, с. 5].

Выводы

В конечном итоге потрясение основ существующего порядка приводит, и это не в единственном произведении Ахшарумова, к сумасшествию главного героя, невозможности человеческого сознания справиться с тем фантастическим знанием, которое не входит в зону комфортной человеческой референции. Например, в романе подобная ситуация определяется как метафорический перенос виртуального огня на реальную сферу местонахождения героя: «Ему стало сперва тепло, потом жарко и, наконец, горячо, нестерпимо горячо, так горячо, что он вскрикнул, хотел отскочить и ... проснулся; проснулся у себя в комнате, на постели; но страшное видение продолжалось, как будто бы на Яву. Комната вся озарена была красным заревом» (с. 277).

С нашей точки зрения, самым слабым звеном романов Ахшарумова являются финалы. Влияние ли это беллетристической составляющей, характерной для его творчества, или осознанно повторяющийся мотив гибели главного героя (мужчины) через сумасшествие и огонь, вероятно, придется еще выяснить.

В любом случае, именно метафора является тем ключевым когнитивным тропом, который позволяет нам хотя бы немного приблизиться к пониманию авторской концепции романов Ахшарумова, которые совсем не так однозначны и просты, как это трактуется в известных нам оценках его современников.

УДК 811.112

Литература

1. Ахшарумов Н.Д. Игрок // Отечественные записки. 1858. №11–12.
2. Гик Е. Шахматы в художественной литературе // Наука и жизнь. 2007. №7. С. 105–107.
3. Дискурсы фантастического в исследовании Р. Лахманн // Рец. на книгу: Лахманн Р. Дискурсы фантастического. М., 2009. 384 с.
4. Мещанова Н.Г. Сравнительный оборот «как в театре» как экспликатор семантического потенциала образа театральной игры // Вестник СамГУ. 2012. 1 8/1 (99). С. 165–169.
5. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. Екатеринбург, 1999. 432 с.
6. Цатурян В.С. Музыкальная пирамида шахмат. М., 2006. 120 с.
7. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург, 2003. 248 с.
8. Шахматы: энциклопедический словарь / гл. ред. А.Е. Карпов. М., 1990. С. 297.

References

1. Akhsharumov N.D. Igrok [Player]. *Otechestvennye zapiski* [Notes of the Fatherland], 1858, №11–12.
2. Gik E. Shakhmaty v khudozhestvennoi literature [Chess in literature]. *Nauka i zhizn'* [Science and Life], 2007, №7, pp. 105–107.
3. Diskursy fantasticheskogo v issledovanii R. Lakhmann [Discourses of fiction in the study by R. Lachmann]. *Retsenziia na knigu: Lakhmann R. Diskursy fantasticheskogo* [Book Review: R. Lachmann Discourses fiction]. Moscow, 2009. 384 p.
4. Meshchanova N.G. Sravnitel'nyi oborot "kak v teatre" kak eksplikator semanticheskogo potentsiala obraza teatral'noi igry [Comparative turnover "in theater" as a way of building the semantic eksplikator theatrical games]. *Vestnik SamGU* [Vestnik of SSU], 2012, 1 8/1 (99), pp. 165–169.
5. Sossiur F. de. *Kurs obshchei lingvistiki* [Course in General Linguistics]. Ekaterinburg, 1999. 432 p.
6. Tsaturian V.S. *Muzykal'naia piramida shakhmat* [Musical pyramid of chess]. Moscow, 2006, 120 p.
7. Chudinov A.P. *Metaforicheskaia mozaika v sovremennoi politicheskoi kommunikatsii* [Metaphorical mosaic in modern political communication]. Ekaterinburg, 2003, 248 p.
8. *Shakhmaty: entsiklopedicheskii slovar'* / gl. red. A.E. Karpov [Chess: encyclopaedic dictionary ; Ch Ed. AE Karpov]. Moscow, 1990, p. 297.

Г.Н. Межецкая

Череповецкий государственный университет

СТРУКТУРА ПЕРЕКЛЮЧЕНИЙ КОДОВ С НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА В ПРОЗЕ В. КАМИНЕРА

В данной работе рассматриваются структурные типы переключений с немецкого языка в рассказах В. Каминера. Переключение кодов характеризует билингвальную речь и представляет собой целенаправленную деятельность, обусловленную различными экстралингвистическими факторами. Переключения кодов часто используют в своих произведениях писатели-билингвы. Структура кодовых переключений в речи персонажей художественного произведения имеет сходные черты с переключениями в устной речи билингвов, поэтому для их анализа в литературном произведении можно использовать те же

модели и критерии, что и при описании этого феномена в устной коммуникации. При анализе структуры переключений разграничивают матричный язык и гостевой язык.

Билингвальная речь, художественный билингвизм, структура переключений кодов, индивидуальный билингвизм, матричный язык, гостевой язык.

The author analyzes the structure of code switches from the German language in V. Kaminer's books. Code-switching characterizes bilingual speech which is influenced by various linguistic and non-linguistic factors. Bilingual writers often use code switching in their books. Structural characteristics of code switches in fiction dialogues are similar to those in oral bilingual interaction, therefore the same models and criteria can be used to analyze the speech of bilingual fiction characters. The model we use to analyze the structure of code switching in this paper requires distinguishing the matrix language, which is German in our data, from the embedded languages represented in the data by English, Russian, French, Spanish, Italian. All code-switches are classified into several types according to their position in the structure of bilingual speech, the basic ones being intersentential and intrasentential code-switches, as well as code selection.

Bilingual speech, structure of code switches, bilingualism in literature, individual bilingualism, matrix language, embedded language.

Введение

Переключение кодов (англ. code-switching, нем. Kodewechsel, Kodeumschaltung) является одной из основных форм двуязычной коммуникации. Этот феномен можно определить как чередование двух или более языков в речи говорящего или пишущего, которое происходит естественно и с учетом определенных закономерностей. Согласно некоторым исследованиям, переход с одного языка на другой часто происходит подсознательно, билингв не может осознать, почему он использовал тот или иной язык и какой именно код он использовал в процессе коммуникации в связи с конкретной ситуацией [см.: 4, 13]. Другими учеными переключение кодов рассматривается как целенаправленная деятельность, в процессе которой реализуются определенные поведенческие функции и намерения. Они зависят от различных экстралингвистических факторов – темы, интенции, отношений между участниками коммуникативного акта, общности норм и ценностей, их социальной роли и др. [см.: 6, 8, 11].

«Переключение кодов (code-switching) – специфическая способность билингва успешно участвовать в коммуникации двуязычного типа, осуществляя выбор языка в соответствии с экстралингвистическими факторами (компонентами коммуникативной ситуации), соединять в одном высказывании, предложении или словосочетании единицы двух языков, не нарушая при этом грамматические нормы матричного языка» [7, с. 295]. Исследование, представленное в работе, мы провели, придерживаясь данной точки зрения.

Цель настоящей статьи – рассмотреть структуру переключений кодов с немецкого языка на ряд других языков в произведениях Владимира Каминера.

Проблеме переключения кодов посвящены исследования многих зарубежных ученых: П. Ауэра, Дж. Гамперца, Ф. Грохана, Л. Зеверта, Б. Майера, К. Майерс-Скоттон и др. В отечественной лингвистике этот аспект фундаментально разрабатывается в работах Г.Н. Чиршевой [см.: 5, 6, 7]. Проблеме кодового переключения в художественных произведениях посвящены лишь единичные работы отечественных исследователей [см.: 3]. Тем не менее, как справедливо отмечает Г.М. Вишневецкая, «литературно-художественный билингвизм представляет собой уникальное явление, несомненно, заслуживающее

специального филологического анализа и осмысления» [1, с. 90].

«Художественный, или литературный, билингвизм – это отражение ситуации, сложившейся в обществе. При определении сущности литературного билингвизма необходимо исходить из того, что его условием является способность автора либо создавать произведения на двух языках, либо задействовать единицы двух языков в своих произведениях» [3, с. 38–39]. Задачей, которая стоит перед исследователями кодовых переключений в художественных произведениях, является анализ влияния переключений кодов на реализацию авторского высказывания и описание их структурных и прагматических особенностей.

Основная часть

Владимир Каминер (род. в 1967 г. в Москве) эмигрировал в Германию в 1990 г. Свою первую книгу “Russendisko” он написал в 2000 г., после чего сразу же стал одним из чрезвычайно популярных немецких авторов. Произведения В. Каминера, которые издаются крупными издательствами огромным тиражом, переведены более чем на 20 языков.

В. Каминер относится к категории писателей, произведения которых написаны на неродном языке. Он пишет только на немецком языке, который выучил, приехав в Германию. На вопрос журналиста «Российской Газеты» «Почему вы пишете на немецком?» он отвечает: «Просто потому, что здесь по-русски никто не понимает. Надо писать на том языке, на котором можно читать» [2]. На русский язык свои книги автор не переводит, считает, что переводить самому – это значит написать новую книгу.

На основе имеющихся биографических сведений индивидуальный билингвизм писателя можно охарактеризовать как сбалансированный по компетенции для пары языков русский – немецкий, активный по критерию коммуникативной активности, двуединный по форме языка (используются оба языка в устной и письменной форме), взрослый по возрасту формирования, искусственный по способу и намеренный по сознательности формирования, биэтнический по этнолингвистическому критерию, субтрактивный по престижности языков, неблизкородственный, неконтактный.

Г.Н. Чиршева определяет билингвальное высказывание как речь, в которой взаимодействуют единицы двух языков. Для того, чтобы билингвальная речь соответствовала нормам двуязычной коммуникации и не искажала структурно-грамматические параметры единиц обоих языков, необходимо соблюдать ряд правил и следовать определенным принципам кодовых переключений [6, с. 3–4].

Характер кодовых переключений в литературном произведении подобен характеру переключений в устной речи коммуникантов, поскольку автор стремится воссоздать ситуацию, приближенную к реальности. Поэтому при анализе переключений кодов в художественных произведениях можно использовать критерии описания билингвальности речи участников устного коммуникативного акта.

Для анализа были выбраны два произведения В. Каминера «Russendisko» (2000 г.) и «Ich mach mir Sorgen, Mama» (2004 г.). Обе книги представляют собой сборники коротких рассказов – историй, в которых сам Каминер является центральной фигурой. Это в большинстве случаев – автор-персонаж. Его истории автобиографичны. Он описывает ситуации, которые происходят с ним самим или со знакомыми ему людьми: членами семьи, друзьями, соседями и просто знакомыми. Рассказы написаны простым языком, остроумно, с хорошей порцией юмора, стиль повествования поддерживает ощущение реальности происходящего. Поскольку знакомые писателя представляют интернациональную команду – русские, немцы, латыш, вьетнамцы, турки, то переключения с немецкого языка на какой-либо другой здесь вполне ожидаемы.

Переключение кодов в любом случае представляет собой взаимодействие матричного языка (МЯ) и гостевого языка (ГЯ). Согласно концепции американского лингвиста К. Майерс-Скоттон, матричный язык устанавливает морфосинтаксическую рамку высказываний с кодовыми переключениями, т.е. определяет порядок следования морфем в предложении, а также является источником функциональных морфем. Гостевой язык – источник иноязычных единиц в высказывании. Матричным языком признается тот язык, который представлен большим количеством морфем и который устанавливает согласование и такие грамматические категории, как время, вид и др. [12].

По объему переключаемого сегмента кодовые переключения могут быть словами, словосочетаниями, предложением или группой предложений. Что касается места появления кодовых переключений, то следует отметить, что существуют различные классификации: классификации Б. Майера, Л. Зеверта, П. Муйскена и др. Но, на наш взгляд, наиболее подробной и логичной является классификация Г.Н. Чиршевой, в которой рассматриваются все возможные типы переключений:

1. Выбор кода (language choice, code selection). Данный тип реализуется при смене реплик, одна из которых произносится на одном языке, вторая – на другом.

2. Интерсентенциональные / межфразовые переключения (intersentential), т.е. переключения в пределах высказывания между предложениями.

3. Интрасентенциональные / внутрифразовые переключения (intrasentential) реализуются в пределах предложения:

а) между компонентами сложного предложения (clause-switches), в обособленных оборотах (parenthetical switches), в присоединенных частях (tag-switches);

б) между лексическими единицами в простом предложении [5, с. 75–77].

Переключения в пределах словосочетания или простого предложения классифицируются на вкрапления и островные переключения.

Особенностью анализируемых в статье художественных текстов являются не только переключения кодов в репликах героев рассказов. Автор как активный персонаж также представляет собой довольно интересный объект в рамках темы исследования, поскольку его повествовательная речь насыщена кодовыми переключениями.

В анализируемых произведениях матричным языком является немецкий, именно он устанавливает морфосинтаксическую рамку высказывания. Всего было зафиксировано 147 случаев переключений кодов с немецкого языка. Гостевыми являются английский, русский, французский, испанский, итальянский, португальский языки. Самыми частотными являются переключения на английский язык – их 118. Случаев переключений на русский язык – 17, на итальянский – 4, на французский – 4, на испанский – 3, на португальский – 1.

Переключения кодов представлены различными структурными типами: внутрифразовыми в пределах словосочетания или простого предложения (вкрапления, острова гостевого языка), внутрифразовыми между частями сложного предложения, межфразовыми переключениями и выбором кода. Однако в количественном плане все типы представлены неодинаково.

Самыми частотными являются вкрапления – 78 случаев (53 %). Вкрапление состоит из одной лексемы гостевого языка, которая подчиняется грамматическим правилам матричного языка. Примеры вкраплений представлены ниже:

(1) «Wir sind hier für immer versklavt, egal wie clever du deine Flucht anstellst, die Sowjets werden dich trotzdem zurückholen» [9, S. 38]. («Мы здесь в рабстве навсегда, независимо от того, насколько ловко ты устроишь свой побег, Советы все равно вернут тебя назад»).

В данном случае вкраплением является английское слово clever, состоит из одной содержательной морфемы ГЯ – наречия; выполняет функцию обстоятельства образа действия; написано в соответствии с правилами английской орфографии; подчиняется грамматическим правилам МЯ.

(2) „Nach der Perestroika ging die geologische Forschungsarbeit in Russland rapide zurück“ [10, s. 9]. («После перестройки геологоразведочная работа в России стремительно сошла на нет»).

Русское слово *Perestroika* является вкраплением, поскольку состоит из одной содержательной морфемы ГЯ – существительного в исходной форме. Вкрапление сопровождается одной содержательной морфемой МЯ – предлогом *nach*, который выполняет семантико-синтаксическую функцию времени, и одной системной морфемой МЯ – артиклем. Переключение полностью подчиняется грамматике МЯ: выполняет функцию дополнения с предлогом, который управляет дательным падежом, флексия соответствует требованиям МЯ. Существительное написано с большой буквы, согласно правилам оформления существительных в немецком языке, т.е. подчиняется правилам орфографии матричного языка.

Следующую по частотности группу составляют островные переключения – 47 случаев (32 %). Остров гостевого языка включает в себя одну или несколько лексических единиц и одну или несколько системных морфем ГЯ.

(3) «Der letzte Schrei auf diesem Gebiet ist die political correctness» [9, s. 112]. («Последний писк в этой области – политкорректность»).

Остров ГЯ представляет собой переключение с английского языка, написано в соответствии с правилами английской орфографии. Островное переключение выполняет предикативную функцию и состоит из трех содержательных морфем: качественного прилагательного *political*, самостоятельной морфемы *correct* и словообразовательной *-ness*. Морфосинтаксическая рамка МЯ не нарушается, так как это так называемый «внутренний остров ГЯ», который внедрен в структуру рамки с помощью системной морфемы МЯ – немецкого определенного артикля. Женский род здесь, вероятно, присвоен по семантической аналогии с немецким эквивалентом *die Korrektheit*.

(4) «Diese Russen würden sicherlich nicht arbeitslos, aber vielleicht würden sie sich irgendwann als Mafiosi entpuppen. Wer weiß?» [10, s. 84]. («Эти русские точно не останутся без работы, но, может быть, они когда-нибудь окажутся мафиози. Кто знает?»).

Островное переключение с итальянского языка *Mafiosi* состоит из одной содержательной морфемы *mafios-* и одной системной морфемы – флексии *-i* ГЯ, которую имеют существительные множественного числа в итальянском языке. В данном случае остров выполняет предикативную функцию.

Интересными, на наш взгляд, случаями островных переключений («внутренних островов») являются композиты, в которых комбинируются морфемы МЯ и ГЯ:

(5) «Unabhängig davon, welche Kombination man gerade hat, man macht ein Full-House-Gesicht und strahlt Sicherheit aus, bis die Partie vorbei ist» [9, s. 60]. «Независимо от комбинации (карт – Г.М.), он с выражением лица «У меня полон дом» излучает уверенность до тех пор, пока не закончится партия».

Два иноязычных (английских) элемента *full* и *house* включены в сложное существительное МЯ в качестве первого и второго компонентов композита. Такое оформление композита отличается от классического слитного написания в немецком языке, однако соответствует одной из современных форм не-

мецкого словообразования – дефисному словосложению, которое встречается все чаще.

Подобная ситуация прослеживается и в следующем примере: композит с первым компонентом *macho* из испанского языка:

(6) «Es zeigt eine vollkommen neue Art von Literatur, das so genannte Macho-Märchen» [10, s. 86]. «Она (книга – Г.М.) представляет совершенно новый вид литературы, так называемые сказки крутых парней».

Внутрифразовые переключения между компонентами сложного предложения составляют незначительную группу – 9 кодовых переключений (6 %).

(7) «Die Englischlehrerin war eine junge gefärbte Blondine mit langen Fingernägeln. Sie hatte außerdem eine tiefe, erotische Stimme: „Ladies and gentlemen“, rief sie, „come on please – to the classroom!“ Das klang für uns damals sehr cool, das war die Sprache unserer Propheten, die Sprache von Ozzy Osbourne, Manfred Mann und KISS» [10, s. 5]. («Учительница английского языка была молодой крашеной блондинкой с длинными ногтями. Кроме того, у нее был глубокий, эротический голос: «Дамы и господа», говорила она, «пожалуйста, в класс!» В то время для нас это звучало круто, это был язык наших пророков, язык Оззи Осборна, Манфреда Манна и ПОЦЕЛУЯ»).

Предложение осложнено прямой речью, которая передана на английском языке. Иноязычный элемент прерывает повествование автора-персонажа при воспоминании об учительнице английского языка. Первая часть кодового переключения „Ladies and gentlemen“ является обращением, выраженным двумя существительными. После слов автора вторая часть предложения вводится глаголом в соответствии с побудительной конструкцией, а затем – после тире, которое в данном случае выполняет разделительную (смысловую и синтаксическую) функцию, – идет присоединяемая часть *to the classroom*.

Переключения между частями предложения встретились также в 9 случаях. Этот структурный тип предполагает иноязычные элементы в обособленных оборотах, обращениях, вводных частях.

(8) «Sebastian klopfte mir auf die Schulter und sagte: «Halte durch, Geolog! Gib nicht auf, Geolog!» [10, s. 8]. («Зебастиан хлопнул меня по плечу и сказал: «Держись, геолог! Не сдавайся, геолог!»).

В данном случае в качестве переключения выступает русская лексема *Geolog*, которая написана латиницей и с большой буквы (ср. немецкое существительное *Geologe*). Это – обращение. Такие переключения, находящиеся в обособленной позиции, легко вписываются в предложение на МЯ и не нарушают его морфосинтаксическую структуру.

Выбор кода характеризуется тем, что реплики коммуникантов произносятся на разных языках. В анализируемых произведениях таких переключений всего 2 (1,3 %). Например:

(9) «Was ist Ihr Lieblingsfilm?»

«Eight Mile» [10, s. 13]. («Какой фильм Ваш самый любимый?» – «Восьмая миля»).

В этом диалоге иницилирующая реплика выполняется на языке дискурса, реагирующая – на гостевом языке (английском). Грамматически реплики не свя-

заны между собой и требуют лишь хорошей компетенции собеседника в матричном и гостевом языках.

Межфразовые переключения также образуют малочисленную группу из двух переключений.

(10) «Anfangs hatte er meinen Eltern quasi-offizielle Briefe geschrieben: «Ich weiß, dass Sie nachts russisches Radio hören, ich höre alles mit! Pustj vseгда budet solnze!» [10, s. 101]. (Поначалу он писал моим родителям в некотором смысле официальные письма: «Я знаю, что Вы слушаете русское радио по ночам, я тоже все это слушаю! Пусть всегда будет солнце!»). В реплике персонажа одна фраза представлена на немецком языке (МЯ), вторая – на русском (ГЯ). Для оформления фразы используется латиница. На морфосинтаксическом уровне взаимосвязь между фразами не прослеживается.

Выводы

Анализ переключений кодов с немецкого языка в исследуемых произведениях Владимира Каминера позволяет сделать вывод, что структурные типы переключений представлены по-разному. Самую многочисленную группу образуют внутрифразовые переключения в пределах словосочетания или простого предложения. Среди них по частотности выделяются вкрапления. Островные переключения количественно также представлены репрезентативно и, кроме того, разнообразно по сочетаемости морфем. Выбор кода и межфразовые переключения в данных произведениях встречаются редко.

Исследование кодовых переключений в художественных произведениях является актуальным и заслуживает дальнейшего лингвистического внимания. Подобные исследования позволят уточнить закономерности перехода с одного языка на другой, а также описать специфику переключений, касающуюся разных языков.

Литература

1. Вишневская Г.М. Литературно-художественный билингвизм: лингвистическая интерпретация // Международный журнал экспериментального образования. № 2. 2012. С. 90–91.
2. Кучерская М. Трагедия со страусами // Российская газета — Федеральный выпуск № 3599 (0). URL: <http://www.rg.ru/2004/10/08/karminer.html>
3. Мишинцева И.Ю. Переключения кодов в художественных произведениях: дис. ... канд. филол. наук. Череповец, 2011. 211 с.
4. Морозова И.Г. «Смешение языков» в процессе и за рамками обучения иностранным языкам // Гуманитарная наука сегодня. 2011. №2. С. 42–52.
5. Чиршева Г.Н. Введение в онтобилингвологию. Череповец, 2000. 194 с.
6. Чиршева Г.Н. Двухязычная коммуникация. Череповец, 2004. 190 с.

7. Чиршева Г.Н. Детский билингвизм: одновременное усвоение двух языков. СПб., 2012. 488 с.

8. Grosjean F. Life with two languages: An introduction to bilingualism. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 1982. 370 p.

9. Kaminer W. Russendisko. Wilhelm Goldmann Verlag, 5. Auflage. München, 2000. 149 s.

10. Kaminer W. Ich mach mir Sorgen, Mama. Manhattan Verlag, 1. Auflage. München. 2004. 174 s.

11. Myers-Scotton C. The negotiation of identities in conversation: A theory of markedness and code choice // International Journal of the Sociology of Language, 1983, 44. P. 115–136.

12. Myers-Scotton C. Duelling Languages. Grammatical structure in code-switching. Oxford: Clarendon Press, 1993. 262 p.

13. Wardaugh R. An introduction to sociolinguistics. Massachusetts: Blackwell Publishers Ltd. 5th Edition, 2006. 426 p.

References

1. Vishnevskaja G.M. Literaturno-hudozhestvennyi bilingvizm: lingvisticheskaia interpretaziia [Bilingualism in literature: linguistic interpretation]. *Mezhdunarodnyi zhurnal eksperimental'no obrazovaniia* [International journal of experimental education], 2012, № 2, pp. 90–91.
2. Kucherskaia M. Tragediia so strausami [The tragedy with ostriches]. *Rossiiskaya gazeta. Federal'nyi vypusk* [Russian newspaper. Federal release], № 3599. Available at: <http://www.rg.ru/2004/10/08/karminer.html>
3. Mishinzeva I.Iu. *Pereklyucheniia kodov v hudozhestvennykh proizvedeniiakh* [Code-switching in literary works. Doct. Dis.]. Cherepovets, Cherepovets state university, 2011. 211 p.
4. Morozova I.G. «Smeshenie iazykov» v processe i za ramkami obucheniia inostrannym iazykam [Code-mixing with teaching foreign languages]. *Gumanitarnaiia nauka segodnia* [Humanitarian science today]. Moscow, 2011, №2, pp. 42–52.
5. Chirsheva G.N. *Vvedeniie v onto-bilingvologiu* [Introduction to ontobilingualism]. Cherepovets, 2000. 194 p.
6. Chirsheva G.N. *Dvuiazychnaia kommunikaciia* [Bilingual communication]. Cherepovets, 2004. 190 p.
7. Chirsheva G.N. *Detskii bilingvizm: odnovennoe usvoenie dvuh iazykov* [Childhood bilingualism: simultaneous acquisition of two languages]. Book, Saint-Petersburg, 2012. 488 p.
8. Grosjean F. Life with two languages: An introduction to bilingualism. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 1982. 370 p.
9. Kaminer W. Russendisko [Russian disco]. Munich, 2000. 149 p.
10. Kaminer W. Ich mach mir Sorgen, Mama [I am concerned, mum]. Munich, 2004. 174 p.
11. Myers-Scotton C. The negotiation of identities in conversation: A theory of markedness and code choice. *International Journal of the Sociology of Language*, 1983, 44, pp. 115–136.
12. Myers-Scotton C. Duelling Languages. Grammatical structure in code-switching. Oxford, Clarendon Press, 1993. 262 p.
13. Wardaugh R. An introduction to sociolinguistics. Massachusetts: Blackwell Publishers Ltd. 5th Edition, 2006. 426 p.